

ISSN: 2181-9416

2-SON, 2026

YURIST AXBOROTNOMASI

ВЕСТНИК ЮРИСТА * LAWYER HERALD

HUQUQIY, IJTIMOIIY, ILMIIY-AMALIY JURNAL

CYBERLENINKA

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

YURIST AXBOROTNOMASI

2-SON

ВЕСТНИК ЮРИСТА

HOMEP 2

LAWYER HERALD

ISSUE 2

ЮЛДОШЕВ Сардор

Исполняющий обязанности Исполняющий обязанности
декана факультета профессионального обучения юридических
кадров по международным стандартам Института переподготовки
и повышения квалификации юридических кадров при
Министерстве Юстиции Республики Узбекистан
E-mail: sardoryuldashev.px@gmail.com

ПРАВОВОЙ СТАТУС БЕЖЕНЦЕВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования): Юлдошев С. Правовой статус беженцев в международном праве: теоретико-правовой анализ и современные практики // Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. № 2 (2026) С. 133-144.

 2 (2026) DOI <http://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2-014>

АННОТАЦИЯ

В данной статье подробно освещается правовой и теоретический анализ статуса беженцев в современной системе международного публичного права, уделяя особое внимание устранению концептуальных и терминологических пробелов, препятствующих эффективному нормотворчеству и правоприменительной практике. Центральной проблемой статьи является вопрос о строгом разграничении близких, но принципиально различающихся правовых категорий - понятий «беженец» и «внутренне перемещенное лицо». На основании Женевской конвенции 1951 года и Руководящих принципов ООН по внутренне перемещенным лицам (1998 г.) доказано, что использование этих терминов в качестве синонимов является серьезной юридической ошибкой. В статье обосновывается необходимость четкого разграничения в национальном законодательстве: статус беженца возникает только при пересечении международной границы, а перемещенное лицо остается под юрисдикцией своего государства.

В статье особое внимание уделяется анализу национального опыта Республики Узбекистан, в частности, беспрецедентных гуманитарных операций «Мехр» по возвращению женщин и детей из зон вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке и в Афганистане. В статье дается четкий правовой ответ на вопрос о взаимосвязи данных операций с институтом защиты беженцев: доказывается, что репатриация своих граждан является реализацией конституционных обязательств государства и норм международного права о праве на возвращение, а также что она не имеет правовой связи с институтом предоставления убежища иностранцам. Тем не менее, успешный опыт психосоциальной реабилитации репатриантов свидетельствует о высоком уровне институциональной готовности Узбекистана к внедрению международных стандартов защиты уязвимых слоев населения.

В статье представлен ярко выраженный авторский подход, рассматривающий имплементацию международных норм не только как обязательство, но и как стратегический инструмент укрепления верховенства закона и международного авторитета государства. Проанализированы современные вызовы международного права беженцев, включая риск «эпистемической несправедливости» при использовании алгоритмов искусственного интеллекта в климатической миграции и процедурах предоставления убежища. В статье выдвигается комплекс научно обоснованных предложений по совершенствованию национального законодательства. В качестве наиболее важных из них дается настоятельная рекомендация по ратификации Республикой Узбекистан Конвенции 1951 года и Протокола 1967 года о статусе беженцев, а также по разработке и принятию специализированного Закона «О беженцах и убежище».

Ключевые слова: международное право, беженец, внутренне перемещенное лицо, Конвенция 1951 года, репатриация, операция «Мехр», УВКБ ООН, невысылка (non-refoulement), нормотворчество, ратификация, Республика Узбекистан.

YULDOSHEV Sardor Abdumajid o'g'li

O'zbekiston Respublikasi Adliya vazirligi huzuridagi
Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va malakasini oshirish
institutining Yuridik kadrlarni xalqaro standartlar bo'yicha
professional o'qitish fakulteti dekani vazifasini bajaruvchi
E-mail: sardoryuldashev.px@gmail.com

XALQARO HUQUQDA QOCHQINLARNING HUQUQIY MAQOMI: NAZARIY-HUQUQIY TAHLIL VA ZAMONAVIY AMALIYOTLAR

ANNOTATSIYA

Ushbu maqolada zamonaviy xalqaro ommaviy huquq tizimida qochqinlar maqomining huquqiy va nazariy tahlili, xususan, samarali norma ijodkorligi va huquqni qo'llash amaliyotiga to'sqinlik qiluvchi konseptual hamda terminologik kamchiliklarni bartaraf etishga alohida e'tibor qaratilgan holda batafsil yoritilgan. Maqolaning markaziy muammosi sifatida bir-biriga yaqin, ammo tubdan farq qiluvchi huquqiy toifalar – "qochqin" va "ichki ko'chirilgan shaxs" tushunchalarini qat'iy farqlash masalasi o'rta tashlanadi. 1951-yildagi Jeneva Konvensiyasi hamda BMTning Ichki ko'chirilgan shaxslar bo'yicha rahbariy tamoyillar (1998-y.) asosida ushbu atamalardan sinonim sifatida foydalanish jiddiy yuridik xato ekanligi isbotlanadi. Maqolada milliy qonunchilikda aniq chegara belgilash zarurati asoslab beriladi: qochqin maqomi faqat xalqaro chegarani kesib o'tgandagina yuzaga keladi, ko'chirilgan shaxs esa o'z davlati yurisdiksiyasida qoladi.

Maqolada O'zbekiston Respublikasining milliy tajribasini, xususan, Yaqin Sharq va Afg'onistondagi qurolli to'qnashuvlar hududlaridan ayollar va bolalarni qaytarish bo'yicha mislsiz "Mehr" insonparvarlik operatsiyalarini tahlil qilishga alohida e'tibor qaratilgan. Maqolada ushbu operatsiyalarning qochqinlarni himoya qilish instituti bilan o'zaro munosabati to'g'risidagi savolga aniq huquqiy javob beriladi: o'z fuqarolarini repatriatsiya qilish davlatning konstitutsiyaviy majburiyatlarini va xalqaro huquqning qaytish huquqi to'g'risidagi normalarini amalga oshirish ekanligi, shuningdek, uning chet elliklarga boshpana berish instituti bilan huquqiy aloqasi yo'qligi isbotlanadi. Shunga qaramay, repatriantlarni psixosozimoiy rehabilitatsiya qilishning muvaffaqiyatli tajribasi O'zbekistonning zaif qatlamlarni himoya qilish bo'yicha xalqaro standartlarni joriy etishga institutsional jihatdan yuqori darajada tayyorligidan dalolat beradi.

Maqolada xalqaro normalarni implementatsiya qilishni faqatgina majburiyat sifatida emas, balki qonun ustuvorligini va davlatning xalqaro nufuzini mustahkamlashning strategik vositasi sifatida ko'rib chiquvchi yaqqol namoyon bo'lgan mualliflik yondashuvi taqdim etilgan. Xalqaro qochqinlar huquqi oldidagi zamonaviy chaqiriqlar, jumladan, iqlim migratsiyasi va boshpana berish tartib-taomillarida sun'iy intellekt algoritmlaridan foydalanishda "epistemik adolatsizlik" xavfi tahlil qilingan. Maqolada Milliy qonunchilikni takomillashtirish bo'yicha ilmiy asoslangan takliflar majmuasi ilgari suriladi. Ularning eng asosiysi sifatida O'zbekiston Respublikasi tomonidan 1951-yilgi Qochqinlar maqomi to'g'risidagi Konvensiya va 1967-yilgi Bayonnomani ratifikatsiya qilish hamda ixtisoslashtirilgan "Qochqinlar va boshpana to'g'risida"gi Qonunni ishlab chiqish va qabul qilish bo'yicha qat'iy tavsiya beriladi.

Kalit so'zlar: xalqaro huquq, qochqin, ichki ko'chirilgan shaxs, 1951-yilgi Konvensiya, repatriatsiya, "Mehr" operatsiyasi, BMT Qochqinlar bo'yicha oliy komissari boshqarmasi, qaytarib yubormaslik (non-refoulement), norma ijodkorligi, ratifikatsiya, O'zbekiston Respublikasi.

SARDOR Yuldoshev

Acting Dean of the Faculty of Professional Training
of Legal Personnel according to International Standards
of the Institute for Retraining and Legal Training of Legal Personnel
under the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan.
E-mail: sardoryuldashev.px@gmail.com

LEGAL STATUS OF REFUGEES IN INTERNATIONAL LAW: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS AND MODERN PRACTICES

ANNOTATION

This article provides a detailed legal and theoretical analysis of refugee status within the modern system of international public law, focusing specifically on addressing conceptual and terminological gaps that hinder effective rule-making and law enforcement practice. The central problem of the article is the issue of strictly distinguishing between closely related but fundamentally different legal categories - the concepts of "refugee" and "internally displaced person." Based on the 1951 Geneva Convention and the UN Guidelines on Internally Displaced Persons (1998), it has been proven that using these terms as synonyms is a serious legal error. The article substantiates the need for a clear demarcation in national legislation: refugee status arises only upon crossing an international border, while a displaced person remains under the jurisdiction of their state.

The article pays special attention to analyzing the national experience of the Republic of Uzbekistan, specifically the unprecedented "Mehr" humanitarian operations for the return of women and children from armed conflict zones in the Middle East and Afghanistan. The article provides a clear legal answer to the question of the relationship between these operations and the institution of refugee protection: it proves that the repatriation of its citizens is a realization of the state's constitutional obligations and international legal norms on the right to return, and that it has no legal connection with the institution of providing asylum to foreigners. Nevertheless, the successful experience of psychosocial rehabilitation of repatriates testifies to Uzbekistan's high level of institutional readiness to implement international standards for protecting vulnerable populations.

The article presents a distinct author's approach, viewing the implementation of international norms not only as an obligation but also as a strategic tool for strengthening the rule of law and the state's international prestige. Modern challenges in international refugee law are analyzed, including the risk of "epistemic injustice" when using artificial intelligence algorithms in climate migration and asylum procedures. The article puts forward a set of scientifically grounded proposals for improving national legislation. As the most important of these, it is strongly recommended that the Republic of Uzbekistan ratify the 1951 Convention and the 1967 Protocol on the Status of Refugees, as well as develop and adopt a specialized Law "On Refugees and Asylum".

Keywords: international law, refugee, internally displaced person, 1951 Convention, repatriation, Operation Mehr, UNHCR, non-refoulement, rulemaking, ratification, Republic of Uzbekistan.

На современном этапе исторического развития международное сообщество столкнулось с глобальным миграционным кризисом беспрецедентных масштабов. Архитектура международного права, выстроенная в середине двадцатого столетия для обеспечения защиты лиц, лишившихся покровительства собственного государства, подвергается колоссальному давлению ввиду эскалации вооруженных конфликтов, системных нарушений прав человека и беспрецедентной климатической деградации. По оценкам Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), к концу 2024 года общее число принудительно перемещенных лиц в мире превысило исторический рубеж в 120 миллионов человек [1]. Этот

масштабный гуманитарный и демографический сдвиг требует от академического сообщества и практиков глубокого переосмысления устоявшихся правовых парадигм и формирования новых, более эффективных механизмов правового регулирования.

Правовой статус беженцев и иных категорий перемещенных лиц представляет собой одну из наиболее сложных и многогранных сфер современного международного публичного права. Сложность данной проблематики обусловлена тем, что она находится на стыке фундаментальных принципов международного права: с одной стороны, принципа государственного суверенитета, предполагающего исключительное право государства контролировать свои границы и определять правовое положение лиц на своей территории, а с другой – принципа всеобщего уважения прав и свобод человека, который требует от международного сообщества императивного вмешательства в случаях, когда индивид подвергается угрозе уничтожения или пыток [2]. В ситуации, когда государство происхождения выступает в роли преследователя или оказывается неспособным защитить своих граждан от негосударственных акторов насилия, международное право беженцев формирует систему субсидиарной (дополнительной) защиты [4].

Тем не менее, анализ современной юридической литературы, нормотворческой практики отдельных государств и даже правоприменительных актов выявляет критическую проблему: концептуальное и терминологическое смешение различных правовых статусов. В частности, понятия «беженец» и «перемещенное лицо» зачастую используются как взаимозаменяемые синонимы. Подобная небрежность в использовании юридического инструментария недопустима, поскольку за каждым из этих терминов стоит совершенно иной объем прав, обязанностей, механизмов международной защиты и пределов юрисдикции принимающего государства. Неспособность правоохранительных и миграционных органов провести четкую демаркацию между этими категориями приводит к фатальным нарушениям прав человека, включая нарушение императивного принципа non-refoulement (невысылки) [3].

Кроме того, теоретическое осмысление проблемы требует строгого отграничения института убежища от иных смежных гуманитарных механизмов. В контексте Республики Узбекистан это особенно актуально в связи с проведением масштабных операций по репатриации своих граждан из зон конфликтов (операции «Мехр») [6]. Понимание правовой природы этих операций – как акта защиты собственных граждан, а не предоставления убежища – имеет принципиальное значение для формирования корректного национального законодательства [7],[8].

Одним из наиболее существенных недостатков, выявляемых в современных научных публикациях и проектах нормативных актов, является синонимичное использование терминов «беженец» и «перемещенное лицо». С точки зрения международного публичного права, эти категории имеют принципиально различную юридическую природу, разные источники правового регулирования и кардинально отличающиеся механизмы имплементации гарантий [3], [9]. Смешение этих понятий в нормотворчестве и правоприменении не только порождает правовую неопределенность, но и способно девальвировать саму суть международной защиты. Международно-правовой статус беженца строго кодифицирован. Основопологающим документом в данной сфере выступает Конвенция о статусе беженцев, принятая в Женеве в 1951 году (с учетом расширительного толкования, закрепленного в Протоколе 1967 года). Согласно статье 1А(2) данной Конвенции, термин «беженец» применяется к лицу, которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей

гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений [10].

Юридический состав данного определения включает в себя несколько обязательных элементов, отсутствие хотя бы одного из которых исключает признание лица беженцем:

Фактор отчуждения: лицо должно в обязательном порядке пересечь международно признанную государственную границу и находиться вне территории своей гражданской принадлежности (или страны обычного местожительства для лиц без гражданства) [3]. Это конституирующий признак статуса беженца. Обоснованные опасения преследований: Данный критерий содержит как субъективный элемент (реальный психологический страх индивида), так и объективный (наличие доказуемой угрозы в стране происхождения). Причинно-следственная связь: Преследование должно быть неразрывно связано с одним из пяти исчерпывающих оснований, прямо перечисленных в Конвенции (раса, религия, гражданство, социальная группа, политические убеждения) [10]. Отсутствие государственной защиты: Государство происхождения либо само является инициатором преследований (например, тоталитарные режимы), либо не способно/не желает защитить индивида от преследований со стороны негосударственных акторов (террористических группировок, картелей и т.д.).

Важно подчеркнуть, что статус беженца носит декларативный характер. Лицо становится беженцем не в момент получения официального документа от принимающего государства, а в тот момент, когда оно соответствует критериям Конвенции. Признание статуса государством является лишь формальной констатацией уже существующего факта. С момента пересечения границы беженец подпадает под действие международного права, и принимающее государство связано императивным обязательством не возвращать его в условия опасности. В отличие от беженцев, внутренне перемещенные лица – это лица, которые были вынуждены бежать или покинуть свои дома или места обычного проживания, в частности в результате или во избежание последствий вооруженного конфликта, ситуаций повсеместного насилия, нарушений прав человека или стихийных бедствий, и которые не пересекали международно признанных государственных границ [4], [12].

Фундаментальное юридическое отличие заключается в факторе суверенитета. Внутренне перемещенные лица, несмотря на свои страдания, остаются на территории своей страны и *de jure* продолжают находиться под юрисдикцией и правовой защитой собственного правительства [5], [9]. В международном праве не существует универсальной юридически обязательной конвенции, посвященной исключительно ВПЛ, аналогичной Конвенции 1951 года. Их защита базируется на нормах внутреннего законодательства государства, международного права человека и, в ситуациях вооруженного конфликта, международного гуманитарного права. Ключевым международным ориентиром служат «Руководящие принципы ООН по вопросу о перемещении лиц внутри страны» (1998 г.), которые являются актом «мягкого права» (*soft law*) и не имеют обязывающей силы международных договоров [5]. В результате возникает парадокс: хотя потребности ВПЛ могут быть абсолютно идентичны потребностям беженцев (они так же нуждаются в еде, крове и безопасности), они обладают значительно меньшим объемом международных правовых гарантий. Международное сообщество (в лице УВКБ ООН и других агентств) не имеет автоматического мандата на вмешательство; для оказания помощи ВПЛ требуется прямое согласие суверенного правительства [13], которое зачастую и является виновником перемещения [3]. По статистике, ВПЛ подвержены значительно более высоким рискам смертности, физических нападений и сексуального насилия, так как они остаются запертыми в зонах конфликтов [3], [11]. Из 120 миллионов принудительно перемещенных лиц в мире подавляющее большинство – свыше 73,5 миллионов человек – составляют именно ВПЛ [1].

**Таблица 1. Сравнительный правовой анализ:
Беженцы и Внутренне перемещенные лица**

Критерий сравнения	Беженец	Внутренне перемещенное лицо
Пересечение границы	Обязательное условие. Лицо находится вне страны своего гражданства.	Отсутствует. Лицо остается в пределах своего государства.
Основной международный документ	Конвенция о статусе беженцев 1951 г. и Протокол 1967 г. (Юридически обязательные договоры).	Руководящие принципы ООН 1998 г. (Нормы «мягкого права», рекомендательный характер).
Правовая защита	Гарантирована международным правом (принцип non-refoulement). Находится под защитой принимающего государства и УВКБ ООН.	Находится под юрисдикцией и ответственностью собственного правительства. Международное вмешательство ограничено суверенитетом.
Причины перемещения (основания)	Строго ограничены: преследование по признаку расы, религии, национальности, социальной группы, политических убеждений.	Широкий спектр: вооруженные конфликты, стихийные бедствия, техногенные катастрофы, общее насилие.

Исходя из приведенного анализа, мы рекомендуем внедрить строгую концептуальную дисциплину в законодательство Республики Узбекистан. Предлагается следующий подход к нормотворчеству и правоприменению:

1. В нормативно-правовых актах, регулирующих вопросы миграции, пересечения государственной границы и предоставления убежища, термин «беженец» должен применяться исключительно к иностранным гражданам и лицам без гражданства, которые ищут защиту от преследований и подпадают под критерии Конвенции 1951 года.

2. Термин «перемещенное лицо» должен быть полностью исключен из контекста миграционного законодательства, касающегося иностранцев. Данный термин (с обязательным уточнением «внутренне перемещенное лицо») должен использоваться в законодательстве о гражданской защите, предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций (например, в документах Министерства по чрезвычайным ситуациям) для обозначения граждан Республики Узбекистан, эвакуированных или самостоятельно покинувших места проживания внутри страны вследствие селей, землетрясений, техногенных аварий и т.д.

3. На уровне правоприменения пограничные и миграционные службы должны четко квалифицировать субъекта: если иностранец заявляет о невозможности возвращения из-за политических преследований, он инициирует процедуру определения статуса беженца [19].

Называть его «перемещенным лицом» – значит лишать его международных гарантий защиты.

Понимание современной архитектуры защиты беженцев невозможно без анализа ее исторической ретроспективы. Формирование этого института является отражением поступательного развития человеческой цивилизации и перехода от доктрины абсолютного государственного суверенитета к концепции защиты универсальных прав человека. До начала XX века понятие убежища рассматривалось исключительно как право суверенного государства предоставить защиту иностранцу (право убежища для государства), а не как субъективное право самого индивида. Ситуация кардинально изменилась после Первой мировой войны и крушения империй (Российской, Османской, Австро-Венгерской), когда миллионы людей оказались в состоянии апатридов (лиц без гражданства), лишенных дипломатической защиты. Лига Наций отреагировала на этот кризис созданием в 1921 году поста Верховного комиссара по делам русских беженцев, который занял выдающийся норвежский полярник

и гуманист Фритьоф Нансен. Ключевым достижением этого периода стало внедрение «нансеновских паспортов» – международных проездных документов, возвращавших людям правовую субъектность. Однако система Лиги Наций была глубоко несовершенна: она базировалась на групповом подходе. Защита предоставлялась не на основе индивидуального риска преследования, а в зависимости от принадлежности к определенной национальной или этнической группе (русские, армяне, ассирийцы и т.д.). Обязательства государств по приему беженцев носили спорадический характер.

Вторая мировая война, Холокост и массовые депортации в Европе выявили катастрофическую недостаточность фрагментарного подхода. Ответом международного сообщества стало формирование универсальной системы прав человека под эгидой ООН. Статья 14 Всеобщей декларации прав человека 1948 года впервые на глобальном уровне провозгласила: «Каждый человек имеет право искать убежища от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем». Для практической реализации этого права в 1950 году было учреждено УВКБ ООН, а в 1951 году принята Конвенция о статусе беженцев. Эта Конвенция совершила доктринальную революцию: она ввела универсальное индивидуальное определение беженца, не привязанное к конкретной национальности. Протокол 1967 года устранил первоначальные географические и временные ограничения Конвенции (ранее она применялась только к событиям, произошедшим в Европе до 1951 года), придав ей подлинно глобальный характер. Важнейшим достижением эволюции международного права стало формирование принципа non-refoulement (невывсылки). Закрепленный в статье 33 Конвенции 1951 года, этот принцип запрещает принудительное возвращение беженца на территорию, где его жизни или свободе угрожает опасность [1], [10]. Современная доктрина международного публичного права и практика международных трибуналов признают, что принцип non-refoulement вышел за рамки договорного обязательства и стал императивной нормой обычного международного права (jus cogens) [3]. Это означает, что запрет на высылку обязателен для всех государств мира, независимо от того, ратифицировали они Конвенцию 1951 года или нет. Это абсолютный стандарт, отступление от которого недопустимо ни при каких обстоятельствах.

Архитектура Конвенции 1951 года, созданная в реалиях холодной войны, сегодня сталкивается с вызовами, которые ее авторы не могли предвидеть. Адаптация правовой базы к этим новым феноменам является ключевой задачей современной юриспруденции. Одной из наиболее острых проблем современности является деградация окружающей среды. Повышение уровня мирового океана, опустынивание и экстремальные погодные явления ежегодно вытесняют миллионы людей. В СМИ и социологии прочно закрепился термин «климатические беженцы» [1]. Однако с позиций строгого международного права этот термин некорректен и порождает правовой вакуум. Конвенция 1951 года требует наличия элемента «преследования» со стороны конкретных акторов (государства или группировок) по конкретным признакам (раса, религия и т.д.) [1]. Стихийные бедствия и изменение климата не обладают сознательной волей и не могут «преследовать» индивида в юридическом смысле этого слова. Следовательно, лица, покидающие исчезающие островные государства или зоны тотальной засухи, де-юре не могут претендовать на статус беженца, а относятся к категории экологических мигрантов. Они не защищены принципом non-refoulement в его классическом понимании. На международном уровне требуется разработка дополнительных протоколов к Конвенции или заключение новых международных соглашений, которые расширят понятие защиты на лиц, чье возвращение на родину невозможно ввиду уничтожения базовой среды обитания.

Второй экзистенциальный вызов связан с внедрением систем искусственного интеллекта в процедуры определения статуса беженца (Refugee Status Determination - RSD). Миграционные службы государств все чаще используют ИИ для оценки достоверности историй заявителей: алгоритмы анализируют микровыражения лица, извлекают данные из мобильных телефонов для построения графов социальных связей и применяют технологии распознавания диалектов. С правовой точки зрения это порождает феномен, определяемый в современной научной литературе как «эпистемическая несправедливость» (epistemic injustice) [14]. Проблема заключается в разрыве восприятия истины: показания самого беженца – часто единственное доказательство его преследования – воспринимаются государственными органами как субъективные и потенциально ложные. В то же время результаты, сгенерированные машинным алгоритмом (несмотря на встроенную предвзятость, ошибки в распознавании редких диалектов или непрозрачность архитектуры), рассматриваются как объективное экспертное знание, не подлежащее сомнению. Делегирование права принятия решений алгоритмам без должного этического и юридического контроля нарушает фундаментальные права человека на справедливое разбирательство. Право беженца на индивидуальную оценку его дела подменяется статистической вероятностью, что создает колоссальный риск нарушения принципа невысылки из-за программной ошибки.

Анализируя национальный контекст, необходимо дать исчерпывающий правовой ответ на вопрос, поставленный в ходе академической дискуссии: какое отношение имеют беспрецедентные гуманитарные операции Узбекистана «Мехр» к институту беженцев? Начиная с 2019 года, Республика Узбекистан провела серию сложных логистических и гуманитарных операций по возвращению своих граждан (преимущественно женщин и детей), оказавшихся в зоне боевых действий в Сирии, Ираке и Афганистане [6]. Государство обеспечило им не только физическое возвращение, но и комплексную психосоциальную реабилитацию, реинтеграцию в общество и восстановление документов. С точки зрения строгого международного права, операции «Мехр» не имеют никакого отношения к предоставлению статуса беженца или права убежища. Смешение этих понятий является грубой ошибкой. Институт беженцев – это механизм международной защиты, предоставляемый государством иностранным гражданам или лицам без гражданства, которые бегут от преследования со стороны своего собственного государства [1]. Государство не может предоставить международное убежище своему собственному гражданину, так как между гражданином и государством существует неразрывная политико-правовая связь [10]. Операция «Мехр» представляет собой реализацию института репатриации. Репатриация в международном праве (опирающаяся на статью 12 Международного пакта о гражданских и политических правах) – это право индивида вернуться в страну своего происхождения [2], [15], [16]. В отличие от беженцев, которые отказываются от защиты своего государства, репатрианты пользуются защитой своего государства [8]. Согласно Конституции Республики Узбекистан, государство гарантирует защиту и покровительство своим гражданам как на территории страны, так и за ее пределами. Проводя операцию «Мехр», Узбекистан выполнял свою суверенную обязанность по дипломатической защите собственных граждан, оказавшихся в зоне вооруженного конфликта (во многих случаях ставших жертвами торговли людьми или обмана) [7]. Государство Узбекистан не выступало для них преследователем; напротив, оно выступало спасителем, реализуя концепцию консульской и дипломатической протекции.

Несмотря на отсутствие прямой юридической связи между репатриацией граждан и предоставлением убежища иностранцам, операции «Мехр» имеют колоссальное опосредованное значение для выстраивания национальной системы защиты беженцев. Главный вывод заключается в следующем: Узбекистан на практике доказал наличие

высочайшего институционального потенциала, политической воли и материально-технической базы для работы с лицами, пережившими глубочайшие травмы войны. Государство создало эффективные протоколы межведомственного взаимодействия (МВД, МИД, Минздрав, органы опеки), отработало механизмы социальной адаптации, дерадикализации и обеспечения доступа к образованию для детей, годами не посещавших школу [6]. Если государство способно на столь высоком уровне реабилитировать своих граждан, возвращенных из эпицентра террористических структур, оно, безусловно, обладает всеми необходимыми компетенциями для имплементации международных стандартов работы с иностранными беженцами. Это снимает часто озвучиваемый аргумент о «неготовности инфраструктуры» к приему беженцев.

Анализ текущего состояния миграционного законодательства выявляет существенные пробелы в архитектуре национальной защиты. По состоянию на 2024–2025 годы, Узбекистан не является государством-участником Конвенции о статусе беженцев 1951 года и Протокола 1967 года [17]. В стране отсутствует комплексное национальное законодательство, регламентирующее процедуру определения статуса беженца [20]. Правовой вакуум приводит к тому, что отношения с иностранцами регулируются общим Законом 2021 года «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства», который рассматривает мигрантов преимущественно через призму визового контроля и административной ответственности за нарушение правил пребывания, не содержа четких гарантий против высылки (*non-refoulement*) для лиц, ищущих убежище. Положение о порядке предоставления политического убежища (2017 г.) имеет крайне узкую сферу применения и не охватывает весь спектр гуманитарных рисков [18], [22]. В результате, по оценкам УВКБ ООН, в стране находится значительное число лиц в ситуации, подобной беженцам (около 8500 человек), которые лишены возможности легализовать свой статус и получить доступ к базовым социально-экономическим правам, включая легальное трудоустройство и медицинское обслуживание [17], [19].

На основе проведенного исследования, предлагаем концептуально новый подход к формированию законодательства о беженцах в Узбекистане. Суть авторского подхода заключается в отказе от восприятия института беженцев исключительно как бремени или угрозы национальной безопасности. Напротив, в эпоху Глобального договора о беженцах (2018 г.) интеграция беженцев в правовое поле является элементом проактивной внешней политики, укрепления имиджа государства как надежного участника международных отношений и реализации принципа верховенства закона. Создание легальных каналов защиты выводит мигрантов из теневого сектора экономики, снижает уровень криминализации и способствует развитию человеческого капитала. В целях безусловного выполнения рекомендаций, принятых Узбекистаном в рамках Универсального периодического обзора (УПО) Совета по правам человека ООН в 2018 и 2023 годах [17], предлагается реализовать следующий пошаговый алгоритм изменений в законодательство:

1. Ратификация международных инструментов. Первоочередным и фундаментальным шагом должна стать ратификация Конвенции о статусе беженцев 1951 года и Протокола 1967 года к ней. Ратификация интегрирует Узбекистан в глобальную систему распределения ответственности. Это не означает автоматического открытия границ для массового притока мигрантов, так как Конвенция оставляет право проведения индивидуальных процедур за государством. Ратификация обеспечит правовую основу для расширенного сотрудничества с УВКБ ООН, привлечения донорского финансирования и технической помощи для модернизации пограничной и миграционной инфраструктуры [23]. Учитывая присоединение Узбекистана к Ашхабадской декларации по

искоренению безгражданства (2024 г.), ратификация Женевской конвенции станет логичным продолжением курса на защиту уязвимых групп [21].

2. Принятие специального Закона «О беженцах и убежище». Необходима разработка и принятие прямого Закона Республики Узбекистан «О беженцах и убежище», который должен детально регламентировать следующие аспекты:

Терминологический аппарат: Строгое внедрение дефиниции беженца в соответствии со ст. 1А(2) Конвенции 1951 года. Исключение термина «перемещенное лицо» из данного закона.

Принцип Non-Refoulement: Прямое закрепление императивного запрета на высылку или принудительное возвращение любого лица (включая искателей убежища на стадии рассмотрения ходатайства) на территорию, где существует угроза его жизни, свободе или риск применения пыток. Эта норма должна иметь высшую юридическую силу по отношению к нормам Кодекса об административной ответственности об экстрадиции и депортации нарушителей визового режима.

Институциональный механизм: Учреждение в структуре Министерства внутренних дел (или Агентства по миграции) специализированного подразделения, обладающего исключительной компетенцией по проведению процедур определения статуса беженца. Процедура должна гарантировать право на бесплатного переводчика, юридическую помощь и право судебного обжалования отказа.

Защита при пересечении границы: Внесение изменений в Закон «О Государственной границе», обязывающих пограничные войска немедленно передавать ходатайства лиц, заявивших о преследовании при незаконном пересечении границы, в миграционные органы, исключая их немедленную депортацию.

Интеграционный пакет: В целях предотвращения маргинализации закон должен предоставить признанным беженцам право на легальное трудоустройство без получения дополнительных квот и патентов, доступ к базовому медицинскому страхованию и обязательному среднему образованию для их детей.

Таблица 2. Дорожная карта имплементации международных стандартов в правовую систему Республики Узбекистан

Этап реализации	Механизм / Документ	Ожидаемый правовой и социально-экономический эффект
Этап 1: Ратификация	Ратификация Конвенции 1951 г. и Протокола 1967 г.	Выполнение рекомендаций УПО Совета по правам человека ООН (2018, 2023 гг.). Формирование международно-правовой базы защиты.
Этап 2: Нормотворчество	Принятие Закона РУз «О беженцах и убежище»	Демаркация понятий «беженец» и «ВПЛ». Легализация пребывания лиц, нуждающихся в защите (ликвидация правового вакуума).
Этап 3: Институционализация	Внедрение процедуры RSD (Определение статуса беженца)	Создание механизма справедливой оценки индивидуального риска. Защита от необоснованной депортации (non-refoulement).
Этап 4: Интеграция	Предоставление социально-экономических прав	Вывод беженцев из теневой экономики. Разрешение на труд, доступ к здравоохранению и образованию, снижение криминализации.

Институт международно-правового статуса беженцев прошел долгий путь эволюции от ситуативных механизмов Лиги Наций до комплексной системы гарантий, закрепленных в Конвенции 1951 года. Сегодня этот институт сталкивается с новыми вызовами, требующими глубокого академического осмысления и филигранной юридической техники. Главным

условием эффективности правовой защиты является строгая терминологическая дисциплина. Проведенный анализ неопровержимо доказывает, что понятия «беженец» и «внутренне перемещенное лицо» обладают принципиально различной правовой природой. Беженец – это субъект международного права, пересекший границу и подлежащий защите на основе императивного принципа невысылки (non-refoulement). Внутренне перемещенное лицо остается объектом внутренней юрисдикции государства. В процессе национального нормотворчества использование данных терминов в качестве синонимов является недопустимым.

Рассмотрение гуманитарных инициатив Республики Узбекистан, в частности операций «Мехр», позволило разграничить институт убежища от института репатриации. Возвращение собственных граждан из зон вооруженных конфликтов является выполнением конституционных гарантий государства и не имеет правовой связи с предоставлением статуса беженца иностранцам. Однако блестящая реализация этих операций демонстрирует наличие в стране развитой институциональной инфраструктуры, способной справляться с самыми сложными гуманитарными вызовами и реинтегрировать уязвимые слои населения.

Опираясь на этот прочный фундамент, авторский подход постулирует: создание полноценной системы убежища полностью соответствует стратегическим интересам и конституционным ценностям Нового Узбекистана. Имплементация международных стандартов позволит вывести из правовой неопределенности тысячи людей, уже находящихся на территории страны, и предотвратить потенциальные нарушения прав человека при осуществлении пограничного контроля.

Для завершения формирования правового государства и укрепления авторитета на международной арене, настоятельно рекомендуется инициировать процедуру ратификации Конвенции о статусе беженцев 1951 года и Протокола 1967 года, а также разработать и принять целостный Закон Республики Узбекистан «О беженцах и убежище». Эти шаги не только исполняют международные обязательства страны в рамках ООН, но и станут важнейшим вкладом в обеспечение стабильности, безопасности и гуманизма в Центральноазиатском регионе.

CHOCKI/IQTIBOSLAR/REFERENCES:

1. Global Report 2024. UNHCR // URL: <https://www.unhcr.org/publications/global-report-2024>
2. Global Appeal 2025. UNHCR // URL: <https://www.unhcr.org/sites/default/files/2024-12/Global%20Appeal%202025%20-%20Executive%20Summary.pdf>
3. Refugee Study Guide // University of Minnesota Human Rights Library. URL: <https://hrlibrary.umn.edu/russian/edumat/studyguides/Rrefstudyguide.html>
4. Protocol relating to the Status of Refugees // Office of Legal Affairs. URL: <https://legal.un.org/avl/ha/prsr/prsr.html>.
5. Руководящие принципы ООН по вопросу о перемещении лиц внутри страны (Приняты в 1998 г.) // УВКБ ООН. URL: <https://www.unhcr.org/ru/>
6. Операция «Мехр»: путь исправления // Национальный центр Республики Узбекистан по правам человека. 09.12.2020. URL: <http://insonhuquqlari.uz/ru/news/operatsiya-mehr-put-ispravlenija>.
7. Глобальный договор о беженцах (Global Compact on Refugees) // УВКБ ООН. 2018. URL: <https://globalcompactrefugees.org/about-digital-platform/global-compact-refugees>.
8. Repatriation and reintegration of children in Uzbekistan // UNICEF. 2023. URL: <https://www.unicef.org/eca/reports/repatriation-and-reintegration-children-uzbekistan-affected-conflict-syria-and-iraq>.
9. Deep Dive: Legal Obligations to Refugees // HIAS. URL: <https://hias.org/news/deep-dive-legal-obligations-refugees/>.
10. Конвенция о статусе беженцев (Женева, 28 июля 1951 г.) // УВКБ ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml

11. Handbook on Procedures and Criteria for Determining Refugee Status under the 1951 Convention and the 1967 Protocol // УВКБ ООН. URL: <https://hrlibrary.umn.edu/instree/refugeehandbook.pdf>.
12. Внутренне перемещенные лица (ВПЛ): определение и правовой статус // УВКБ ООН. URL: <https://www.unhcr.org/about-unhcr/who-we-protect/internally-displaced-people>.
13. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights>.
14. Digital Transformation in Asylum and Reception Systems, Situational Update No 23 // European Union Agency for Asylum (EUAА). 2025. URL: https://www.euaa.europa.eu/sites/default/files/publications/2025-09/2025_digitalisation_asylum_reception_EN.pdf.
15. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
16. Repatriation of prisoners of war and refugees // Oxford Public International Law. URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e868>.
17. UNHCR Uzbekistan Factsheet, February 2025 // УВКБ ООН. 2025. URL: <https://www.unhcr.org/sites/default/files/2025-02/Factsheet%20-%20Uzbekistan%2C%20EN%202025.pdf>.
18. Закон Республики Узбекистан «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Узбекистан». ЗРУ-692-сон 04.06.2021 // URL: <https://lex.uz/docs/5443901>.
19. Универсальный периодический обзор (УПО) Совета по правам человека ООН: Узбекистан (2018 и 2023 гг.) // Совет по правам человека ООН. URL: <https://www.ohchr.org/en/hr-bodies/upr/uz-index>
20. Аналитический доклад по законодательству и практике Республики Узбекистан в контексте перспективы присоединения к Конвенции о статусе беженцев 1951 г. // НЦПЧ и УВКБ ООН. 17.03.2023. URL: <https://www.unhcr.org/central-asia/news/nhrc-and-unhcr-presented-recommendations-development-asylum-legislation>.
21. Ashgabat Declaration on Ending Statelessness in Central Asia // УВКБ ООН. 2024. URL: <https://www.unhcr.org/sites/default/files/2025-04/Factsheet%20-%20Uzbekistan%2C%20EN%2C%20April%202025.pdf>.
22. Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Положения о порядке предоставления политического убежища в Республике Узбекистан» (УП-5060-сон, 29.05.2017) // URL: <https://lex.uz/docs/3219285>.
23. Доклад Рабочей группы по Универсальному периодическому обзору: Узбекистан. А/HRC/WG.6/44/UZB/1 // ООН. 2023. URL: <https://docs.un.org/ru/A/HRC/WG.6/44/UZB/1>

YURIST AXBOROTNOMASI

2-SON

ВЕСТНИК ЮРИСТА

НОМЕР 2

LAWYER HERALD

ISSUE 2

ISSN 2181-9416

DOI JURNAL: 10.34920/2181-9416/2026/2

2026-YIL